

Хороший вопрос, подумала она, стараясь взять себя в руки. - Все, мимо кого я проходила, говорили о тебе и Поттере, - заметила Трейси, глядя на чуть более высокую девушку с вызовом. Дафна вздохнула, нахмутив брови. - У тебя нет сочувствия? Я поступила правильно, - уверенно заявила она. - Даф, ты и так в дерьме. Нужно ли тебе усугублять ситуацию? Половина Слизерина, вероятно, уже знает, - мрачно ответила Трейси. Дафна, в frustration, воскликнула: - Что же мне делать? Это был второй раз, когда он мне помог! - Для чего? - тут же поднажала Трейси. - Он чего-то ждет? Высказаться на уроке, а потом поговорить с ним после - это ничего не изменит. Риск просто не стоит награды. Дафна молча не согласилась, не зная, как объяснить свои мотивы. Нынешний разговор не приносил ей удовольствия. - Трейси, ты моя подруга. Просто доверься мне в этом вопросе. Я не могла оставить это так. - Хорошо, - согласилась она, - надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. - Как дела? - спросила Дафна. С первого дня семестра отношения между ними стали странно напряженными. Обе старались игнорировать нарастающее напряжение в Слизерине, но Дафна чувствовала, что оно просачивается в их дружбу. Это была едва уловимая неловкость, но она ощущалась. Дафна не могла винить Трейси, если та испытывала то же самое - в конце концов, каждой из них было важно собственное будущее. Она сама не была уверена в том, что осталось от ее. - Хорошо. Отлично, правда. Кстати, спасибо за эти записки, - ответила она с улыбкой. - Не за что. Дафна надеялась, что улыбка была искренней. Обычно она потянулась бы обняться, но на этот раз колебалась. - Тогда до встречи, - сказала Трейси, после короткой паузы, слегка пошатываясь. - И тебя, Трейси. Береги себя. Дафна могла только надеяться, что скоро все наладится. Гарри пробирался по замку чуть раньше пяти часов, тяжелые шаги его ботинок эхом отдавались в малонаселенных коридорах. Он вновь начинал жалеть о своих прежних поступках, размышляя о том, чем мог бы заниматься вместо долгих разговоров с ужасным профессором. Достигнув ее кабинета, Гарри дважды постучал. Изнутри раздался привычный сладковатый голос. - Входи! Толкнув дверь, он внезапно попал под напор розового цвета. Розовый был повсюду: на стенах, одежде и даже на ковре. Тарелки в розовых рамках занимали каждый дюйм пространства, и на каждой из них изображались котята. Пожалуй, впервые в жизни он испытал глубокое отвращение к своей форме анимага. К счастью, никто из них не походил на него. Если бы это было так, Гарри вряд ли смог бы остаться в комнате. Амбридж встала из-за стола, ее выражение лица стало самодовольным. - Садись, - сказала она, указывая жестом на стул и небольшой стол на противоположной стороне. Он неохотно повиновался, стараясь скрести стулом по полу как можно громче. Не сумев скрыть ухмылку, когда она поморщилась, он сел. Амбридж раскрывала связку пергаментов и положила один на стол перед ним. - Я буду писать строчки? - Это очень проницательно с вашей стороны, мистер Поттер. Не ожидала, что у вас хватит дедуктивных способностей, чтобы догадаться об этом, - ответила она. Гарри молчал, отказываясь вступать с ней в спор, пока профессор ковырялась за своей партией. Она, возможно, пыталась вызвать его на чистую воду - возможно, чтобы раздать Дисциплинарные наказания. Его взгляд скользнул к перу, которое лежало на столе перед ним. Он не знал, как еще описать его, кроме как «злое». Основание пера было черным, металл охлаждал руку, когда он брал его. Жесткое черное перо торчало сзади, а кончик был острее, чем у любого другого пера, которое он мог вспомнить. Профессор вернулась к нему, и на ее лице появилось намек на усмешку. - Ты напишешь «Я не должна говорить ложь», - объявила Амбридж, указывая на пергамент. - Сколько? - спросил Гарри, подавляя раздражение. Ее легкая усмешка превратилась в причудливое ликование. - Пока не впитается. - Без чернил? - Чернила не понадобятся, - ответила она, глядя на него исподлобья. Приложив кончик пера к пергаменту, он почувствовал покалывание на тыльной стороне руки. Встряхнув ее, чтобы развеять это ощущение, Гарри начал писать. Он с удивлением заметил, что чернила были пунцовыми, и болезненное покалывание становилось все более заметным, чем дольше он писал. Амбридж смотрела на него, и на ее лице застыла несдерживаемая улыбка. - Пиши, - сказала она. - Я ведь не просила тебя остановиться, верно? Покалывание медленно становилось болезненным, а красные буквы слов, которые он писал, начали появляться на его коже. Он закончил страницу пергамента, и

ему тут же протянули другую.

<http://tl.rulate.ru/book/118783/4765891>